

© 2004 **Р. Алекси**

Университет Христиана Альбрехта, г. Киль (Германия)

Роберт Алекси (Robert Alexy) (р. 1945), профессор публичного права и философии права Университета Христиана Альбрехта, г. Киль, Германия. Изучал право и философию в Геттингенском университете. В 1976 защитил диссертацию, отмеченную премией Академии наук в Геттингене, а в 1984 – вторую диссертацию, обе – в Геттингенском университете под руководством профессора Р. Драера. С 1986 – заведующий кафедрой философии права и профессор юридического факультета Университета имени Христиана Альбрехта в Киле.

Научные интересы профессора Р. Алекси включают темы права и морали, теории дискурса, прав человека, методологии юридической науки, теории справедливости, нормы, правовой системы и др. Многие его работы переведены на иностранные языки и переизданы, среди них такие фундаментальные монографии как “Теория юридической аргументации” (1978), “Теория основных прав” (1985), “Понятие и действие права” (1992). В 1994-1998 – Президент немецкого отделения Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR). С 2003 г. – член Исполнительного Комитета IVR.

ПРИРОДА ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Вопрос о природе философии права объединяет две проблемы. Первая касается общей природы философии, вторая – специфического характера той части философии, которую мы называем “философия права”.

I. Природа философии

Существует так много школ, методов, стилей, тем и образцов философии, что трудно объяснить ее природу. Общее объяснение природы философии означало бы, что все или хотя бы большинство самых различных концепций философии, которые появились в ее истории, имеют нечто общее, что можно принять за основное значение или понятие философии.

Пожалуй, наиболее общей особенностью понятия философии можно считать рефлексивность. Философия рефлексивна, потому что она является рассуждением о рассуждении. Как рассуждение о рассуждении философия, по своей сути, является, с одной стороны, практикой осмысления человеком мира, себя и других людей, с другой стороны, осмысления человеческого действия, существенным образом детерминированного разумом.

Иметь представление о мире, себе и других людях – означает иметь представление о том, что существует. Действие, с другой стороны, предполагает понимание того, что должно быть сделано, или что является добром. Рассуждение об общем вопросе существования определяет метафизику в качестве (qua) онтологии; рассуждения

о том, что должно быть сделано или о том, что является добром – определяет этику. Человеческая практика не только базируется – главным образом имплицитно – на ответах на оба вопроса, она также включает, снова, главным образом имплицитно – многочисленные ответы на третий вопрос: как подтвердить наши верования о том, что существует и о том, что должно быть сделано или что является добром. Данный вопрос определяет эпистемологию. Философия пытается эксплицировать онтологические, этические и эпистемологические предположения, которые имплицитно присутствуют в человеческой практике.

Эксплицитная рефлексивность необходима, но не достаточна для объяснения природы философии. Преподаватель, которому не нравится, когда студенты жуют жевательную резинку во время его лекции, может стать рефлексивным, спрашивая себя о причинах такого отношения, но для него этого недостаточно, чтобы стать философом. Для подлинно философского понимания чего-либо, рефлексия должна быть связана с двумя другими особенностями. Рефлексия должна быть рефлексией по поводу общих или фундаментальных вопросов, причем такая рефлексия должна быть систематической. Самое краткое, наиболее абстрактное, но, тем не менее, действительно полное определение философии может поэтому быть таким: философия – это общая и систематическая рефлексия о том, что существ-

вует, что должно быть сделано или что является добром, и как возможно знание о том и другом.

Данное объяснение отнюдь не претендует на то, чтобы исчерпать предмет философии. Его краткость это исключает, однако, даже гораздо более развернутое и строгое объяснение вряд ли когда-либо будет способно полностью объяснить природу философии, поскольку за разными понятиями, которые используются для объяснения ее природы, может стоять то, что невозможно выразить понятийно, несмотря на то, что философия является понятийной деятельностью. Наше объяснение, таким образом, может только наметить отправную точку для ответа на вопрос о природе философии права. Можно предположить, что этот вопрос имеет – как и собственно философия права – некоторую автономию, так что понимание общей природы философии необходимо только в качестве первого шага, но не как последнее и окончательное основание, на котором покоится наше понимание природы философии права, подобно дому на его фундаменте.

Мое определение философии как общей и систематической рефлексии о том, что существует, что должно быть сделано или что является добром, и как возможно знание о том и другом, ведет, несмотря на его чрезвычайно абстрактный и весьма предварительный характер, к трем важным для нас заключениям. Во-первых, рефлексия необходимо имеет критическое измерение. Размышлять о том, что существует, что должно быть сделано и что является добром, и что мы можем знать – значит спрашивать и спорить о том, что объективно существует, что является истинным или правильным, и что обоснованно. Если определять нормативность как способность отличить то, что правильно от того, что неправильно, то данные вопросы являются нормативными. Следовательно, философия, как с необходимостью рефлексивный феномен, имеет нормативное измерение. Общий и систематический характер философской рефлексии ведет, во-вторых, к аналитическому и, в-третьих, к синтетическому, или холистическому, измерениям философии. Аналитическое измерение определяется попыткой идентифицировать и выявить фундаментальные структуры природного и социального миров, в которых мы живем, а также – фундаментальные понятия и принципы, посредством которых мы можем понять оба мира. Без этой аналитической части философия в своей сущности не была бы ни общей, ни систематической.

В философии права аналитическое измерение имеет дело с такими понятиями как норма, “до-

лжное”, лицо, действие, санкция и институт. Синтетическое измерение определяется попыткой объединить все это в когерентное (связное, непротиворечивое – С. М.) целое. Глубоко обоснованная и когерентная картина того, что существует, что должно быть сделано или что является добром, и что мы можем знать, – регулятивная идея философии или, попросту говоря, её конечная цель. Это означает, что философия неизбежно холистична. На основании вышеизложенного наше определение философии должно быть дополнено следующим: философия является нормативной (или критической), аналитической и холистической (или синтетической). Три понятия в определении: “рефлексивная”, “общая” и “систематическая”, и три понятия в выводе: “нормативная”, “аналитическая” и “целостная”, являются описаниями одного и того же, но с разных точек зрения.

II. Пред-понимание и аргументы

Философия права, как философия, является общей и систематической рефлексией, подобно философии в целом, она также имеет нормативное, аналитическое, и холистическое измерения. Ее специфическое отличие (*differentia specifica*) заключается в ее предмете – праве. Философия права обычно не занимается непосредственно решением вопросов о том, что существует, что должно быть сделано или что является добром, и что может быть познано, она рассматривает данные вопросы применительно к праву. Формулировать эти вопросы – это спрашивать о сущности права. Из этого естественно следует определение философии права как рассуждения о природе права.

Такое определение, однако, порождает проблему. Это проблема круга в определении, поскольку, с одной стороны, философия права не может быть определена без использования понятия права, тогда как, с другой стороны, она призвана рассуждать о природе права, объясняя, что такое право. Как философия права может приступить к исследованию вопроса, что такое право, когда невозможно сказать, что такое философия права, не зная, что такое право? В нашем случае, однако, круг в определении имеет не негативный, а позитивный характер. Он есть не что иное как версия герменевтического круга, и следовательно, к его решению нужно подойти так же, как и в любом другом аналогичном случае – начать с пред-понимания, основанного на устоявшейся практике, и разрабатывать про-

блему с помощью критической и систематической рефлексии.

Пред-понимание права – не только пред-понимание самого по себе очень сложного объекта. К этой первой сложности добавляется вторая: пред-понимание как таковое также способно быть чрезвычайно разнообразным. Шкала простирается от “плохого человека” Холмса [12, р. 10, 456-478, 459], который воплощает преимущественно беспристрастную внешнюю точку зрения, до “судьи Геркулеса” Дворкина [9, р. 105], который представляет преимущественно идеалистическую внутреннюю точку зрения. Философия права как деятельность, которая, при этом является систематической и критической, не может опираться только на одну разновидность пред-понимания. Она должна принимать во внимание их все и, более того, должна анализировать их соотношение ко всем “особенностям” права.

Требование рассматривать все виды пред-понимания, которые могут быть обнаружены в праве и философии права, с одной стороны, и все особенности права, с другой стороны, предполагает составление своего рода каталога различных подходов и различных особенностей. Но как составить такой список? Простое суммирование всех подходов и особенностей, которые появились в истории или появляются сегодня, имеют результатом, по словам Канта, “не рациональную систему, а просто случайно собранную совокупность” [14, р. 357; 1, с. 107-438, 285]. Не нужно никаких аргументов, чтобы утверждать, что это было бы несовместимо с систематическим и критическим характером философии. Философская рефлексия требует системы. Однако, намного легче сказать, что простая совокупность, или, как Кант иногда выражался, “рапсодия” [13, р. 755; 14, р. 538] – недостаточна, чем указать, каким образом может быть построена адекватная концептуальная система или схема. Лучший ответ, как представляется, заключается в следующем: не в соответствии с абстрактной теорией философии права, а в соответствии с систематическим анализом аргументов, выдвигаемых в обсуждении сущности права. Никакая другая процедура так не соответствует общему характеру философии права в качестве (qua) рассуждения о природе права.

III. Три проблемы

Споры о природе права ведутся вокруг трех проблем. Первая проблема обращается к вопросу: из каких объектов состоит право, и каким образом эти объекты связаны друг с другом, формируя общий объект, который мы называем “право”? Эта проблема касается понятия нормы и нормативной системы. Вторая и третья проблемы обращаются к действительности (валидности) права. Вторая касается его реального, или фактического, измерения. Это – область юридического позитивизма. Здесь следует различать два центра. Первый определен в соответствии с понятием авторитетного источника, второй определен социальной эффективностью. Третья проблема природы философии права касается правильности, или легитимности, права. Здесь главным вопросом является отношение между правом и моралью. Ответить на этот вопрос означает обратиться к идеальному, или критическому, измерению права. Именно эта триада проблем, взятых вместе, определяет ядро проблемы природы права.

Данная трехчастность претендует на полноту, нейтральность и систематичность. Она является полной, когда может учесть все аргументы, выдвигаемые за и против тезиса о природе права. Единственное возможное здесь доказательство состоит в применении нашей триадной модели к максимальному числу критических случаев. Модель нейтральна, когда она не отдает предпочтения ни одному из включенных в нее аргументов. Доказательство будет таким же, как и в случае полноты. И, наконец, она систематична тогда, когда ведет к когерентной картине природы права. В этом случае доказательство не может состоять ни в чем другом, кроме как в выработке когерентной стратегии.

Последний пункт может быть обобщен. Максимально прояснить природу философии права можно только разработав самую лучшую “идеальную” теорию, соединяющую ответы на все три вопроса о природе права. Проблема, однако, состоит не в том, что такая совершенная теория просто еще не разработана, но в том, что этот идеал вообще вряд ли достижим. К счастью, для того, чтобы познать нечто, не нужно знать все. Для достижения поставленных нами целей, достаточно использовать триадную модель как систему координат для обсуждения парадигмальных проблем.

IV. Четыре тезиса

Рассмотрение парадигмальных проблем в контексте нашей триадной модели должно подтвердить четыре тезиса. Это подтверждение, со своей стороны, подразумевает подтверждение модели. Первый тезис говорит о том, что философия права не ограничивается определенными специфическими проблемами, связанными с правом; в философии права могут быть поставлены все философские проблемы. В этом отношении философия права сущностным образом включает в себя проблемы философии в целом. Можно назвать это “тезисом общей сущности”. Второй тезис утверждает, что существуют специфические проблемы философии права. Они возникают из-за специфического характера права, который следует из того факта, что право является необходимо авторитетным, или институциональным, точно так же как и критическим, или идеальным. Это “тезис специфического характера”. Третий тезис говорит о том, что существует особое отношение между философией права и другими областями практической философии, прежде всего такими, как моральная философия и политическая философия. Этот тезис можно назвать “тезисом специального отношения”. Четвертый тезис обобщает первые три тезиса. То есть он не просто присоединяется к ним как четвертый тезис, а выражает общую для них идею. Эта идея заключается в том, что философия права может достичь своих целей, только если она не ограничивается уровнем одного или двух из этих тезисов, но совмещает все три. Это – “идеал полноты” философии права.

В то время как триадная модель проблем философии права претендует на нейтральность, эти четыре тезиса не являются таковыми. Они предполагают выбор определенной точки зрения относительно способа решения этих проблем. Это становится ясным, когда идеалу полноты противопоставляется нечто подобное “ограничительному принципу”. Радикальная версия такого ограничительного принципа утверждает, во-первых, то, что философия права никогда не должна вникать ни в какую сугубо философскую проблему, во вторых, философия права должна концентрировать свои усилия на институциональном, или авторитетном, характере права и, в-третьих, философия права должна оставлять критические нормативные вопросы на рассмотрение моральной и политической философии, которые в свою очередь должны держаться “на расстоянии”, если можно так выразиться. Ограничительный принцип отражает картину философии права, которая фундаментально отличается от

картины, соответствующей всестороннему идеалу. Философия права превращается в юридическую теорию права, которая отделена как от общей философии, так и от моральной и политической философии.

Выбор между идеалом полноты и ограничительным принципом является фундаментальным выбором. Характер философии права определяется им намного радикальней, чем выбором между юридическим позитивизмом и не-позитивизмом. Выбор между позитивизмом и непозитивизмом является выбором внутри самой философии права. Выбор же между идеалом полноты и ограничительным принципом равен выбору между философией и нефилософией. Он является тем основанием, на котором должны быть рассмотрены наши парадигмальные проблемы.

V. Объекты и понятия

Ответы, данные Кельзенем и Оливекроной в 30-х годах XX века на классический вопрос о том, из каких объектов состоит право, представляют наш первый пример. Кельзен определяет “право как норму” [16, р. 13], и нормы как значение [16, р. 11, 14], и “уникальный смысл” этого значения как “должное”, и “должное” как “категорию” [16, р. 24]. Это язык, которым описаны абстрактные объекты. Кельзен настаивает на том, что нормы – и, таким образом, право – не могут быть сведены ни к физическим событиям, ни к психическим процессам. Они принадлежат не к естественной реальности, а к “идеальной реальности” [16, р. 15]. Такая идеальная реальность, которая существует в дополнение к физическому и психическому мирам, была бы “третьей областью” по Фреге [10, р. 17-38, 29]. Противоположная позиция может быть найдена в работах Карла Оливекроны, который, в противовес Кельзену, утверждает, что “нормы права являются естественной причиной – среди прочих – действий судей в случаях тяжбы, так же как и поведения людей в их отношении друг к другу вообще” [18, р. 16]. Этот вопрос – в качестве (qua) онтологического – не только вопрос общефилософский, это также вопрос, на который нужно дать ответ, чтобы определить природу права, и, поэтому, подлинный вопрос философии права.

Сторонник ограничительного принципа мог бы возразить, что вопрос об онтологическом статусе норм для юристов столь же незначителен, как вопрос реального или только предполагаемого существования горы в Африке, обнаруженной и обследованной двумя географами, для этих

двух географов [8, р. 325-326]. Ответом на это возражение является то, что проблема реальности имеет иное значение для географов, чем проблема значения для юристов. Ответ на вопрос, являются ли нормы значимым содержанием или естественными причинами, определяет ответ на следующий вопрос, а именно – могут ли нормы быть представлены как элементы логически выведенной системы и, таким образом, пониматься как отправные точки строения аргументов, или же они являются только элементами каузальной цепи. В первом случае, юридическое рассуждение (legal reasoning), ориентируемое на поиск истины, возможно, во втором, – оно было бы иллюзией. Это показывает, насколько самопонимание юридического рассуждения и, посредством этого, самопонимание права зависит от онтологических предпосылок. Естественно, возможны несколько способов реконструкции этих предпосылок. Но один лишь факт наличия необходимости их реконструкции достаточен для подтверждения тезиса, что философия права не может обойтись без аргументов, которые являются по-прежнему философскими по своему характеру.

В любом случае, понятие нормы, или “должного”, является одним из самых абстрактных понятий в философии права. Если немного снизить данный уровень абстракции, выводное содержание фундаментальных понятий права становится более очевидным. Различие между правилами и принципами – очень абстрактный вопрос общей теории норм. Оно имеет, в то же самое время, далеко идущие последствия для теории юридического рассуждения. Если закон содержит и то, и другое, то юридическое рассуждение неизбежно объединяет субсумпцию с уравниванием [5, р. 16, 433-449]. Юридическое рассуждение таким образом существенно определено структурами, которые являются структурами общего практического рассуждения. Это важная причина, чтобы не считать юридическое рассуждение особой областью, отдельной и отличной от других областей разума.

Все это показывает, что для того, чтобы понять природу права, нужно ответить на фундаментальные философские вопросы. Рефлексия о природе права не может осуществляться в отрыве от общей философии.

VI. Необходимые свойства

Вопросы о природе чего-либо означают больше, чем вопросы об интересных и важных свойствах. Вопросы о сущности права – это воп-

росы о его необходимых свойствах. Понятие необходимости ведет к сердцу философии. То же самое верно и по отношению к родственным для него понятиям аналитичности и априорности. Без этих понятий невозможно уяснить значение вопросов типа: “Что является природой Φ ?”. Без понимания структуры вопросов такого типа нельзя понять основной вопрос философии права: “Какова природа права?”; а неспособность понять этот вопрос означает невозможность узнать, что такое философия права.

Возможность определить понятие природы в том виде, в котором оно появляется в предложениях типа: “Что является природой Φ ?”, а именно, посредством понятия необходимости, позволяет заменить вопрос: “Что является природой права?” вопросом: “Какие свойства права являются необходимыми?”. Этот вопрос ведет, посредством понятия необходимости (и родственных ей понятий аналитичности и априорности) к специфике права. Вопрос о том, что является необходимым, соединяясь с вопросом о том, что является специфическим, превращается в вопрос о том, что является существенным. Это – область тезиса о специфическом характере.

Для права существенными являются два свойства: принуждение, или сила, с одной стороны, и правильность, или справедливость – с другой. Первое относится к основному элементу социальной эффективности права, второе – выражает его идеальное, или критическое, измерение. Вопрос о том, как эти два понятия соотносятся с понятием права и, посредством этого, друг с другом, является центральным вопросом философии права. Все – или по крайней мере почти все – вопросы философии права зависят от ответа на этот вопрос.

Вопрос о том, необходимо ли связаны с правом принуждение и правильность является в значительной мере дискуссионным. Этот спор сопровождается метаспором по вопросу о характере аргументов, которые могут быть выдвинуты за и против необходимого характера таких связей. Должным образом рассмотреть эту проблему в рамках данной статьи невозможно [6, р. 3-16]. Поэтому я ограничусь некоторыми особенностями, которые имеют определяющее значение для нашего вопроса относительно природы философии права.

С принуждением дело обстоит легче. Представляется весьма естественным утверждать, что система правил или норм, которая ни в каком случае не разрешает использование принуждения

или санкции – даже в случае самозащиты – не правовая система, и это происходит вследствие концептуальных причин, основанных на использовании языка. Кто применил бы выражение “право” к такой системе правил? Однако концептуальные причины такого типа сами по себе обладают слишком малой силой. Понятия, основанные на фактическом использовании языка, требуют модификации, как только они перестают быть, как говорит Кант – упоминая, среди прочего (*inter alia*), понятия золота, воды и закона – “адекватны объекту” [13, р. 680; 14, р. 478]. Включение принуждения в понятие права адекватно его объекту, праву, потому что оно отражает практическую необходимость, необходимо связанную с правом. Принуждение необходимо, если право выступает социальной практикой, которая выполняет свои основные формальные функции, в максимально возможной степени определенные ценностями правовой точности и эффективности. Эта практическая необходимость, которая, как кажется, в некоторой мере соответствует “естественной необходимости” Харта [11, р. 199], находит отражение в концептуальной необходимости, предполагаемой при использовании языка. Это показывает, что язык, который мы используем, описывая социальные факты, испытывает влияние герменевтического принципа, согласно которому каждое человеческое действие задумывается как попытка выполнить его наилучшим образом. Прояснение данной связи между концептуальной и практической необходимостью ясно дает понять, в каком смысле принуждение является необходимой принадлежностью природы права.

Вторая центральная особенность права – это его требование правильности. Это требование противостоит принуждению или силе, и их оппозиция составляет необходимую отличительную черту природы права.

Необходимость принуждения, как было показано, базируется на практической необходимости, определенной соотношением цели и средств. В данном случае она имеет телеологический характер. Необходимость требования правильности – необходимость, которая исходит из структуры юридических действий и юридического рассуждения. Она имеет деонтологический характер. Выявление этой деонтологической структуры, скрытой в праве, – одна из самых важных задач философии права.

Для этого мы можем применить все методы экспликации. Один из них – конструирование перформативных противоречий [4, р. 35-39].

Примером этого является фиктивная первая статья конституции, которая читается следующим образом: “X – суверенная, федеративная и несправедливая республика”. Трудно отрицать, что эта статья несколько абсурдна. Идея, лежащая в основе метода перформативного противоречия, состоит в том, чтобы объяснить эту абсурдность, возникшую из противоречия между тем, что в действительности создает конституцию – а именно, справедливостью – и тем, что явно объявлено – а именно несправедливостью. Если это объяснение является убедительным, и если требование справедливости, которое выступает особым случаем более широкого требования правильности* [2, р. 9, 103-113, 105], необходимо востребовано, то необходимая связь между правом и справедливостью становится эксплицитной.

Нетрудно понять, как можно оспорить этот аргумент. Можно просто отрицать, что право необходимо связано с требованием правильности. Как только это требование пропадает, исчезает любое противоречие между явно выраженным и предполагаемым (эксплицитным и имплицитным). Декларация несправедливости, содержащаяся в нашей первой статье, может интерпретироваться как выражение требования власти.

Здесь не место обсуждать вопрос о том, возможно ли для системы норм заменить требование правильности требованием власти и, тем не менее, остаться правовой системой [3, р. 51, 205-221, 213-214]. Это – вопрос самой философии права, а не вопрос о ее природе. В данном случае будет уместным сказать, что дискуссия о необходимых деонтологических структурах, предполагаемых правом, принадлежит самой природе философии права.

VII. Право и мораль

Если тезис о том, что право с необходимостью предполагает требование правильности, оказался бы неверным, было бы трудно оспорить позитивистский тезис разделения права и морали. Если же тезис о требовании правильности окажется истинным, будет иметь место обратное. В этом случае данный тезис мог бы дать твердое основание для аргумента о том, что мораль необходимо включена в право.

Включение морали в право, помогая решать проблемы, вместе с тем само создает проблемы, которых можно было бы избежать, в случае следования пози-

* Справедливость можно считать частным случаем правильности, если мы определяем справедливость как правильность распределения и вознаграждения.

тивистскому тезису разделения. Проблемами, помочь в решении которых может включение морали [в право], являются, во-первых, проблема базисных ценностей, которые лежат в основе права и обосновывают его, во вторых, проблема реализации требования правильности в создании и применении права и, в-третьих, проблема пределов права.

Один из аспектов проблемы основных ценностей возник тогда, когда отношение между правом и принуждением было классифицировано как практическая необходимость. Понятие практической необходимости неоднозначно. Слабая интерпретация относится только к соотношению целей и средств, где выбор целей рассматривается просто как данность или только в качестве гипотетического. Понимание целей в качестве “некоторых очевидных обобщений... относительно человеческой природы и мира, в котором живут люди” [11, р. 192-193] вытекает из понятия “естественной необходимости” Харта. Картина несколько изменится, однако, если общие цели права, как, например, юридическая уверенность и защита основных прав, рассматриваются как требования практического разума, и она изменится полностью, если эти требования рассматривать в качестве необходимых элементов права. Такая строгая интерпретация понятия практической необходимости обеспечивает ценностное или нормативное основание права.

Второй проблемой, которую можно решить посредством включения морали является реализация требования правильности в институциональной структуре права. Примером служит юридическое рассуждение в трудных делах. При включении морали в понятие права, моральные основания могут и должны участвовать в принятии правовых решений, когда авторитетные основания уже исчерпаны. Теория юридического рассуждения пытается учитывать это, рассматривая юридическое рассуждение как особый случай общего практического рассуждения.

Третьей проблемой, которая может быть решена более удовлетворительным образом посредством включения морали в право, является определение пределов права. Если крайнюю несправедливость не считать правом — по крайней мере с точки зрения участника правовой системы, — то как возможно это обосновать без обращения к моральным основаниям [4, р. 40-62]?

Все это, однако, представляет только одну сторону. С другой стороны, как уже было упомянуто, включение морали в право создает серьезные проблемы. Одна из главных причин формирования авторитетной и институционализированной структуры права — общая неопределенность морального рассуждения. Моральные споры имеют тенденцию ста-

новиться бесконечными. В социальной жизни согласие не всегда может быть достигнуто в дискурсе. Исходя из практической необходимости его нужно заменить авторитетным решением. Это, однако, послужило бы аргументом для того, чтобы считать моральное рассуждение не принадлежащим праву; и в результате мы не смогли бы включить моральное рассуждение в юридическое рассуждение без разрушения необходимых авторитетных элементов последнего. Рассмотрение того, возможно ли это, и составляет главную задачу философии права.

Вторая проблема намного серьезней. Она заключается в том, возможно ли моральное познание или моральное обоснование вообще. Если метаэтические тезисы субъективизма, релятивизма, некогнитивизма или эмотивизма оказались бы верными, требование правильности должно было бы быть интерпретировано как нечто близкое “теории ошибок”, как было предложено Макки [18, р. 35]. Это указывает на то, что право, включая мораль посредством (via) требования правильности, оказывается обремененным эпистемологическими проблемами морального познания и обоснования. И это — не легкое бремя.

В начале нашего обсуждения мы выделили три главных вопроса философии: онтологический вопрос о том, что существует, этический, или практический вопрос о том, что должно быть сделано, или что есть добро, и эпистемологический вопрос о том, что мы можем знать. Наш путь сквозь дебри философии права показал, что философия права сталкивается со всеми тремя видами вопросов. Уже одно это выходит за пределы познавательных возможностей человека. Однако это еще не все. Рефлексивная и систематическая природа философии права требует, чтобы все указанные вопросы были связаны в когерентную (цельную) теорию, которая, в свою очередь, должна быть настолько близка к праву, чтобы гарантировать, что ее объектом выступает природа именно права. Таким образом, наши размышления о природе философии права заканчиваются описанием идеала.

(Перевод с английского С. И. Максимова)

Список литературы

1. Кант И. Метафизика нравов // Соч.: В 6 т. — 4. — Ч. 2.
2. Alexy R. (1997). Giustizia comecorrettezza, in Region Pratica.
3. Alexy R. (1998). Law and Correctness, in Current Legal Problems (Legal Theory at the End of the Millennium, ed. M. D. A. Freeman).
4. Alexy R. (2002). The Argument from Injustice. A Re-

- ply to Legal Positivism, trans. B. Litschewski Paulson and S. L. Paulson. Oxford, Clarendon Press.
5. *Alexy R.* (2003). On Balancing and Subsumption. A Structural Comparison. *Ratio Juris*.
6. *Alexy R.* (2003). The Nature of Arguments about the Nature of Law, in *Issues in Jurisprudence and Legal Philosophy: The Nature of Law, Practical Reason, Authority, Sources of Gaps in the Law*, ed. L. Meyer. Oxford, Clarendon Press.
7. *Alexy R.* The Nature of Legal Philosophy // *Associations. Journal for Legal and Social Theory*. – Volume 7. – 2003. – Number 1.
8. *Carnap R.* (1928). *Scheinprobleme in der Philosophie*. Berlin-Schlachtensee, Weltkreis-Verlag, 35-6; repr. together with Carnap (1961). *Der logische Aufbau der Welt*. Hamburg, Felix Meiner Verlag.
9. *Dworkin R.* (1977). *Taking Rights Seriously*. London, Duckworth.
10. *Frege G.* (1967). *The Thought: A Logical Inquiry*, trans. A. M. Quinton and M. Quinton, in *Philosophical Logic*, ed. P. F. Strawson. Oxford, Oxford UP.
11. *Hart H. L. A.* (1994). *The Concept of Law*. 2nd edn. Oxford, Clarendon Press.
12. *Holmes O. W.* (1897). *The Parth of the Law*. Harvard Law Review.
13. *Kant I.* (1996). *Critique of Pure Reason*, trans. Werner S. Pluhar. Indianapolis and Cambridge, Hackett Publishing Company.
14. *Kant I.* (1996). *Critique of Pure Reason*, trans. Werner S. Pluhar. Indianapolis and Cambridge, Hackett Publishing Company.
15. *Kant I.* (1996). *The Metaphysics of Morals*, trans. Mary J. Gregor, in *The Cambridge Edition of the Works of Immanuel Kant. Practical Philosophy*, ed. by Paul Guyer and Allen W. Wood. Cambridge, Cambridge University Press, 353-603, 493 (trans. altered) (*Kant's gesammelte Schriften*, ed. by the Royal Prussian Academy of Sciences, Berlin 1902, vol. 3).
16. *Kant I.* (1996). *The Metaphysics of Morals*, trans. Mary J. Gregor, in *The Cambridge Edition of the Works of Immanuel Kant. Practical Philosophy*, ed. by Paul Guyer and Allen W. Wood. Cambridge, Cambridge University Press, 353-603, 493 (trans. altered) (*Kant's gesammelte Schriften*, ed. by the Royal Prussian Academy of Sciences, Berlin 1902, vol. 6, "kein Vernunftsystem, sondern bloЯ (ein) aufgerafftes Aggregat sein werde").
17. *Kelsen H.* (1992). *Introduction to the Problems of Legal Theory*, a translation, by B. Litschewski Paulson and S. L. Paulson, of the *First Edition of the Reine Rechtslehre* (1934). Oxford, Clarendon Press.
18. *Mackie J. L.* (1977). *Ethics. Inventing Right and Wrong*. London, Pelican Books.
19. *Olivecrona K.* (1939). *Law as Fact*. Copenhagen, Einar Munksgaard, and London, Humphrey Milford.

Р. Алекси

ПРИРОДА ФІЛОСОФІЇ ПРАВА

Філософія права має справу з головними питаннями філософії: онтологічним – що існує, етичним – що належить робити і що є добром, і епістемологічним – що ми можемо знати, які стосуються специфічного об'єкту – права, тому вона запитує про природу права. Філософія права вимагає, що б всі ці питання були поєднані у когерентну теорію, яка була б настільки близька до права, щоб гарантувати експлікацію природи саме права. Переклад на російську мову статті: Robert Alexy. *The Nature of Legal Philosophy // Associations. Journal for Legal and Social Theory*. – Volume 7. – 2003. – Number 1. – P. 63-75.

R. Alexy

THE NATURE OF LEGAL PHILOSOPHY

Legal philosophy is directed to the main questions of philosophy: the ontological question of what there is, the ethical question of what ought to be done or is good, and the epistemological question of what we can know. Raising this questions with respect to the special subject: the law, and so it asks to the nature of law. Legal philosophy demands that all this questions be connected in a coherent theory, which must be as close to law as possible in order guarantee that it makes explicit really is the nature of law. Translation into Russian of paper: Robert Alexy. *The Nature of Legal Philosophy // Associations. Journal for Legal and Social Theory*. – Volume 7. – 2003. – Number 1. – P. 63-75.